

Никто из секты Бишан и представить не мог, насколько ожесточённой выдаться битва.

В конце концов, Кунье — мастер своего поколения и ученик Ху Лугу, человека, который в своё время вышел равным из битвы с самим Ци Фэнгэ. От такого противника не так просто избавиться.

Поражение в прошлом неотвратимо легло тенью на сердце Шэнь Цяо. Одержат победу во втором поединке будет ещё труднее, чем в первом, ведь ему придётся одолеть не только врага, но и самого себя.

Пусть ученики секты Бишан волновались, присутствие главы успокаивало их. Ведь, по их мнению, глава всегда сможет вступить в бой, если Шэнь Цяо проиграет. Только Юэ Куньчи хорошо понимал, что боевые искусства Чжао Чиин были повреждены в результате насильственного выхода из медитации, и если Шэнь Цяо проиграет, то секта Бишан окажется во власти рока судьбы.

Но сможет ли Шэнь Цяо победить?

Он усмирил своё беспокойное сердце и всецело сосредоточился на наблюдении за битвой.

Боевой стиль Кунье — размахистый, мужественный и властный; один взмах его оружия нёс в себе сотрясающую горы мощь. Энергия Сабли расколола поверхность земли, и все присутствующие ощутили вибрацию под ногами. Звук рассекающего воздух клинка болезненно отдавался в головы, и менее сведущие в боевых искусствах люди поспешили закрыть уши.

Однако было бы грубой ошибкой полагать, что в связи с этим цингун Кунье даст слабину.

Двое с боем преодолели путь от равнины до края утёса, в неистовом порыве зависая над самым обрывом. Каменные осколки летели во все стороны, а истинная ци металась вокруг столь хаотично, что слепила глаза. По сравнению с тираническим стилем Кунье, атаки Шэнь Цяо казались чрезмерно мягкими. Меч, как и человек, был нежным и плавным, словно душистый цветок, ласкающий щеку, или весенний ветерок, колышущий ивовые ветви. Он был совершенно чист и прозрачен — в духе даосизма, но, пожалуй, без агрессивной остроты.

Однако к тому времени, как мужчины обменялись сотней ударов, а Шэнь Цяо так и не оказался в проигрышной позиции, те, кто беспокоился о нём, осознали, что дела обстоят совсем не так, как они себе представляли. Если сабля Кунье — это громоподобная, неудержимая сила, то меч Шэнь Цяо, хотя поначалу и выглядел как тоненький ручеёк, неприметный и даже подавляемый Энергией Сабли, из тихого постепенно вырастал в величественный, подобный морю, поглощающему сотню рек своими грозными волнами.

Чем дольше Кунье боролся, тем острее становилась его тревога.

Тогда, на Пике Полушага, он мог использовать только восемь слоёв Энергии Сабли, а теперь — девять. Его мастерство владения клинком достигло новых высот, и он был уверен, что справился бы с Шэнь Цяо, даже если бы тот не был ранен.

Представший перед ним противник на первый взгляд казался простым и уязвимым, как прозрачная лужа, сквозь которую легко просматривается основание. Но стоило опустить в неё руку, как оказалось, что, как ни старайся, он не может дотянуться до дна.

Лужа оказалась глубокой пучиной!

«Радужная тень», цингун горы Сюаньду, в точности соответствовал своему названию: длинная радуга, пересекающая лазурное небо, лёгкая, как ничто, и свободно блуждающая. Шаньхэ Тунбэй оставил белый след Энергии Меча на отвесной скале, напоминающий роспись или каллиграфию. При ближайшем рассмотрении на поверхности твёрдой породы можно было заметить крайне глубокие выбоины. Получи человек такие повреждения, и его кости бы оголились, а кровь хлынула бы во все стороны.

Яростное переплетение блеска и вспышек холодной стали виднелось издалека, но было ясно, что непокорная сабля не могла одержать ни малейшего преимущества.

Юэ Куньчи облегчённо вздохнул. Обернувшись, он спросил у Чжао Чиин:

— Похоже, что на этот раз Шэнь Цяо вполне может победить?

— Всё не так просто, — она покачала головой. — Ты заметил? Кунье достиг девятого слоя Энергии Сабли, что фактически эквивалентно пику Стремления Меча, поистине могущественному состоянию. Каждый удар может обратиться в тысячи несокрушимых теней, но до сих пор он использовал его лишь однажды — в тот самый раз, когда даочжан Шэнь почти не смог сдержать атаку.

Юэ Куньчи невольно охнул, его сердце снова участило биение.

— Неужели он истощает внутреннюю силу Шэнь Цяо?

— Да. С точки зрения внутренней силы Шэнь Цяо действительно ещё не может сравниться с Кунье. Чем дольше будет длиться бой, тем невыгоднее он будет для него.

— Что же делать? — спросил он с небольшим беспокойством. — Может ли быть, что Шэнь Цяо не заметил этого и просто позволит Кунье добиться своего?

Чжао Чиин промолчала. Она, разумеется, не верила, что Шэнь Цяо ни о чём не подозревает, но и не могла предположить, какие именно цели он преследует.

Шэнь Цяо же, в действительности, испытывал себя.

Испытывал собственный предел.

Поскольку Стратегия Багрового Яна обладает свойством реконструировать основу и укреплять мышцы с костями, то, сочетая в себе сильные стороны конфуцианства, буддизма и даосизма, она также должна обладать внутренней силой с присущими этим трём учениям чертами.

Даосизм подчёркивает, что высшая добродетель подобна воде и ничему не противоборствует. Это соответствовало природе его пути меча, и из-за общего корня у него не было проблем с его использованием.

Буддизм — это торжественность и величие, сила яростного вида ваджры и доброта опущенных бровей бодхисаттвы. Подобное непостижимое описание интегрировано в истинную ци Стратегия Багрового Яна, и оно настолько же твёрдо, насколько Дао мягко. Гармоничное сочетание позволяет мечу быть гибким и прочным, сменяться то журчащим ручьём, то бушующими волнами.

Конфуцианский стиль отличается большей неоднозначностью. При написании Стратегия Багрового Яна Тао Хунцзин взял от него человеколюбие и терпимость, тем самым примирил сильные стороны всех учений за счёт всеохватности последнего. Когда ци практикующего истощается, новый источник истинной ци неустанно расцветает в даньтяне, подобно засохшему дереву, что встречает весну и вновь обретает жизнь.

В прошлом Шэнь Цяо уже владел основой истинной ци горы Сюаньду, что замедлило его прогресс в изучении Стратегия Багрового Яна. Только теперь, практикуя её заново с самого начала, он чувствовал, что эта книга действительно достойна славы самой чудесной в мире. Вероятно, большинство людей, претендующих на обладание ею, не знали её истинных тонкостей.

Ещё более примечательно то, что Тао Хунцзин наверняка предвидел, что сохранить Стратегия Багрового Яна в этом хаотичном мире будет непросто, и не всё её содержимое останется нетронутым после его смерти. Поэтому, хотя в Стратегии Багрового Яна пять томов, каждый из них является отдельной книгой, чтобы читателю не мешало отсутствие связи между первым и последним. Если человек сможет практиковать каждый из томов, он естественным образом достигнет «великой завершенности», однако, если он прочитает только одну или две из них, никакого недостатка в силе не будет, максимум — снизится эффективность.

Поэтому в этой битве Шэнь Цяо намеревался использовать Кунье для проверки результатов своих многодневных тренировок. В обычном учебном поединке человеку никогда не удастся достичь предела своих сил, только в условиях жизни и смерти его потенциал может полностью раскрыться и перейти на новый уровень.

Путь боевых искусств подобен гребле на лодке против течения — прекращение движения вперёд означает начало движения вспять. Иначе Ци Фэнгэ, Ху Лугу и другие не стали бы

рисковать своим почётным статусом и накопленным за многие годы могуществом в угоду пути, способному погубить их.

Ситуация уже была крайне опасной для Шэнь Цяо: Энергия его Меча была почти полностью подавлена саблей, а дантянь близок к истощению — в нем практически не осталось истинной ци. Скорость его движений значительно снизилась, и даже сила Энергии Меча постепенно ослабевала. Поражение вот-вот грозило настичь его. Кунье сделал замах, и вдруг из его клинка изверглась ужасающая истинная ци! Стремление Сабли превратилось в прочную сеть, окружившую Шэнь Цяо со всех сторон. Неимоверная сила хлынула к нему, сжигая траву и деревья, испаряя все реки и уничтожая птиц без остатка!

Это была гордость Кунье — девятый слой Энергии Сабли!

Попав в него, невозможно было вообразить, каким способом сломить столь мощную ци. Как и ожидалось от ученика Ху Лугу, существовала лишь горстка людей, способных выдержать хотя бы один такой удар.

Он взмыл в воздух, и лезвие, исполненное внутренней силы, направилось напрямик к голове Шэнь Цяо. Размах был столь грандиозен, что мог в один момент расколоть солнце и луну надвое!

Глаза Ши У широко распахнулись. Он так пристально смотрел на людей по другую сторону обрыва, что совсем забыл о необходимости дышать.

Как никто другой, он хотел, чтобы Шэнь Цяо победил. Однако даже такой юнец, как он, только начавший изучать боевые искусства, мог видеть, что шансы на успех невелики.

Над головой — чистые, безбрежные небеса, а под ногами — зияющая бездна. Во всех уголках Неба и Земли утёс в несколько десятков чжанов остался его единственной опорой. В этот переломный момент было уже слишком поздно пытаться спастись с помощью цингуна. Что он должен сделать, чтобы выдержать всю силу удара противника?

Брови Чжао Чиин напряжённо сошлись на переносице. Она немедля прикрыла глаза Ши У рукой. Нельзя допустить, чтобы он увидел, как кровь учителя проливается практически перед его носом.

Ши У уже потерял учителя однажды. Он не сможет перенести удар от потери ещё одного дорогого ему человека!

В глубине души она безмерно сожалела. Эта битва предназначалась ей. Если бы она заранее знала, что всё обернётся именно так, то ни за что бы не согласилась на предложение Шэнь Цяо. Его решительный настрой наводил на мысль, что в рукаве у него припрятан козырь против Кунье, так что она совершенно не ожидала, что он поставит свою жизнь на кон и окажется в таком опасном положении!

Энергия Сабли была быстрой, как вспышка молнии, в одно мгновение она уже коснулась его волос. Дыхание Шэнь Цяо замедлилось. Он закрыл глаза и вместо того, чтобы броситься бежать, выставил меч ей навстречу.

Познай сначала мир, затем себя; забудь сначала себя, затем мир. Позабыв о границе между собой и окружающим миром, останься незатронутым ни обожанием, ни позором.

Шаньхэ Тунбэй разразился белым светом меча, и в этом свете фигуры Шэнь Цяо нигде не было видно.

Уголки самодовольно изогнутых губ Кунье внезапно застыли.

Энергия Сабли не могла продвинуться ни на цунь!

Меч Шэнь Цяо прорвался сквозь энергию до самой его груди.

Нет!

Кунье резко уклонился. Шесть возникших в его руке клинков грубо перебили чужую атаку. Шэнь Цяо появился за его спиной, и с этим Стремление Меча разделилось на две белые полосы, подавляя Энергию Сабли с разных сторон.

Это невозможно!

Эта мысль промелькнула в голове Кунье, но у него не было времени на глубокие размышления. Сконцентрировав силы на ногах, он быстрым рывком поднялся более чем на десяток чи и наотмашь ударил по скале позади себя. В считанные секунды она рухнула с оглушительным грохотом, и камни разных размеров посыпались вниз один за другим. Затем он взлетел ещё выше и приземлился точно на вершину.

Его глаза метнулись вниз, но нигде среди падающих камней следов противника не оказалось. В тот же момент у него в голове зазвенел сигнал тревоги!

Кунье обернулся и нанёс ещё один удар.

Но сабля не вонзилась в тело врага. Напротив, острая боль обожгла его собственную спину: другой человек оказался ещё быстрее и отчётливо улавливал любое его намерение.

Это невозможно, невозможно!

Совсем недавно он полагал, что Шэнь Цяо постиг Стремление Меча, но это явно было не оно!

Где бы ни был меч, там было и Дао. Знающие друг друга наизусть, связанные плотью и душой, человек и меч стали подобны двум сердцам, бьющимся в унисон.

Сердце Меча!

Это несомненно Сердце Меча!

Шэнь Цяо в самом деле постиг Сердце Меча!

Осознав этот ужасающий факт, Кунье, не щадя сил, бросился вперёд. Непрестанная колющая боль тенью тянулась за ним, словно привязанная невидимой нитью, и он, как марионетка на её конце, никакой ценой не мог вырваться из-под контроля кукловода.

Ощущение было совершенно отвратительным. Такого страха Кунье не испытывал, даже когда его преследовал Янь Уши, ведь последний не собирался его убивать, а лишь хотел испытать его боевые искусства. Кунье понимал это, поэтому не выкладывался на полную. Но в этот раз всё было иначе: раз он сам желал убить Шэнь Цяо, то и Шэнь Цяо, само собой, мог убить его.

Обе стороны выжимают из себя все силы до последней капли. Конечно, уповать на удачу бессмысленно.

Этот человек определённо станет могущественным врагом в будущем!

Но будущее было слишком далёким для Кунье. Самое главное, что нужно сделать сейчас, — это избежать возникшей опасности. Он не мог удержаться от крика:

— Я признаю поражение! Я побеждён! Не убивай меня!

Колющая боль всё ещё не утихла, но как будто сразу же значительно уменьшилась.

Кунье не посмел ослабить бдительность и быстро выпалил вереницу слов:

— Мне есть что тебе сказать! Это касается Янь Уши! Он унижал и пренебрегал тобой, и теперь, когда его смертный час близок, разве ты не захочешь приложить руку к его убийству?!

Свет меча всколыхнул его волосы и пробил ствол дерева перед ним, мгновенно расщепив его на две равные части.

Кунье почувствовал жгучую боль на щеке и ухе, причинённую, должно быть, светом меча. Но не скажи он этих слов, и не только дерево оказалось бы расколотым.

В изнеможении он остановился. Не заботясь о том, чтобы стереть с лица следы крови, он повернулся и облокотился на каменную стену позади себя, опираясь саблей о землю. Он задыхался как бык и почти слышал, как гулко колотится его сердце.

— Я проиграл. Ты победил!

Меньше всего он ожидал, что Шэнь Цяо познает Сердце Меча. В этот момент он осознал, что едва избежал неминуемой гибели, и неизжитый страх окончательно овладел им.

Также он понимал, что такой человек, как Шэнь Цяо, строго соблюдающий воинскую доблесть, никогда не станет сносить с ног и добивать противника, добровольно признавшего своё поражение.

Ци Фэнгэ и Ху Лугу поступили бы так же.

— Ты когда-нибудь слышал о ярмарке Паньлун?

Шэнь Цяо не сказал ни слова, явно ожидая продолжения.

Кунье перевёл дыхание и сказал:

— В городе Фусы, столице Тогона, в праздник Двойной Девятки состоится грандиозное событие под названием ярмарка Паньлун. Ежегодно торговцы из разных концов света съезжаются туда и выставляют на продажу диковинные сокровища, которые уходят к тем, кто готов назвать самую высокую цену. Ходит слух, что в этом году одним из таких сокровищ будет вещь, когда-то принадлежавшая матери Янь Уши.

Шэнь Цяо слегка нахмурился.

Казалось, почувствовав его сомнения, Кунье с усмешкой добавил:

— Старший брат рассказывал, что прежняя фамилия Янь Уши — Се. Как говорят, он из рода Се уезда Чэнь.

Этот род возник в эпоху Вэй-Цзинь и, наряду с родом Ван, принадлежал к числу высшей знати. Известнейшей его личностью был Се Ань. Времена изменились, былая слава рассеялась. В нынешние времена род Се постепенно уходит в тень, но обедневшая знать — это всё ещё знать, и они всё так же сохраняют высокую репутацию в юго-восточном регионе.

И репутация эта не имеет никакого отношения к цзянху, а принадлежит исключительно учёным кругам и верхушке императорского двора.

Исходя из этого, Шэнь Цяо перешёл к более глубокому уровню мышления.

— Такое дело непременно носит особо секретный характер. Вы проводите большую часть своей жизни в степях за Великой стеной и не вовлечены в жизнь Центральных равнин. Как же вы узнали об этом? Разве что... Кто-то посторонний информировал вас?

— Правильно. Янь Уши нажил много врагов, и каждый из них желает покончить с ним как можно скорее. На праздник Двойной Девятки плеяда талантов соберётся в городе Фусы. Пять великих мастеров наших дней окружают Янь Уши и нападут на него — даже с его несравненными навыками боевых искусств на этот раз он не сможет ускользнуть. Янь Уши играл с тобой, как хотел. Уверен, ты не откажешься полюбоваться его смертью собственными глазами?

— Я наконец понял, - неожиданно ответил он.

— Понял что?

— Из всех государств Северная Чжоу имеет наибольшие шансы на объединение Поднебесной. Юйвэнь Юн в союзе с Чэнем с сокрушительной силой вторгся на территорию Ци. Падение царства Ци — вопрос времени, а значит, следующей целью Северной Чжоу станут либо Туцзуэ, либо династия Чэнь. Секта Хуаньюэ поддерживает Юйвэнь Юна, и если вы хотите убить его, то сперва необходимо устранить Янь Уши. Чтобы расправиться с ним, вы начали сотрудничать с Институтом Линьчуань, а поскольку Институт Линьчуань имеет огромное влияние среди династий южных царств, он, естественно, помог вам раскрыть личность и происхождение Янь Уши.

Раз дело приняло такой оборот, Кунье больше не видел смысла что-либо утаивать.

— В целом всё так. Только узнать о прошлом Янь Уши нам помог не Институт Линьчуань, а Объединение Люхэ. Как я уже говорил, Янь Уши нажил множество врагов. В ту ночь в Заоблачном Монастыре он фактически сорвал выгодную сделку Доу Яньшаня, когда прилюдно уничтожил том Стратегия Багрового Яна. Как может Доу Яньшань не ненавидеть его?

— Но что насчёт Института Линьчуань? Жуянь Кэхуэй полон решимости восстановить ханьскую легитимность. Он ни за что не останется в стороне, если представится возможность избавиться от Янь Уши и тем самым отрезать Юйвэнь Юну правую руку. Несколько месяцев назад в династии Чэнь он провёл с Янь Уши поединок - всё ради того, чтобы оценить способности противника и подготовиться к осаде девятого числа девятого месяца.

— Верно.

— Но в ходе той битвы Жуянь Кэхуэй тоже получил ранения, он не сможет присутствовать на этой встрече. Не считая Доу Яньшаня и Дуань Вэньяна, будет кто-то ещё?

— Юй Ай, глава секты Фацзин Гуан Линсань и бывший государственный наставник Северной Чжоу, Сюэтин.

Имена, слетавшие с его уст, пугали одно сильнее другого.

И всё же, если поразмышлять, их следовало ожидать.

Поскольку Юй Ай сотрудничает с народом Тузцуэ, вполне естественно, что он охотно согласился оказать помощь Дуань Вэньяну.

Три демонические секты издавна враждуют друг с другом. После убийства Янь Уши Хуаньюэ останется без главы, а Хэхуань сама по себе расколота внутренними распрями. При таких обстоятельствах секта Фацзин сможет вырваться вперёд, и Гуан Линсань не упустит свой шанс.

И монах Сюэтин. Во время правления Юйвэнь Ху он занимал должность государственного наставника, но пришедший к власти Юйвэнь Юн запретил буддизм и сместил его с должности. С тех пор статус буддизма в государстве Чжоу продолжает катиться по наклонной плоскости. Будь то ради ортодоксальности или «истребления дьявола», монах Сюэтин также присоединится к этой битве.

Великие мастера покушаются на одного впятером — звучит, безусловно, отнюдь не почётно. Но кто откажется, когда из этого можно извлечь максимальную выгоду?

Какое-то время Шэнь Цяо хранил молчание, а затем спросил:

— Почему вы уверены, что Янь Уши придёт? Едва ли его не проинформируют обо всем заранее.

— Старший братец, как-то сказал, что такой человек, как Янь Уши, явится, даже если узнает, что его ждёт ловушка. Он излишне самоуверен и горд: думает, что если и не сможет победить, то уж точно легко выйдет сухим из воды. Слишком твёрдые вещи легко ломаются. Разве не так вы, люди Центральных равнин, любите говорить?

Теперь всё окончательно прояснилось. Шэнь Цяо вздохнул.

— Жюань Кэхуэй сразился с Янь Уши с целью выявить изъян в его боевых искусствах, а Гуан Линсань, как выходец демонической секты, не может не знать, каким способом преуспеть в его убийстве. На этот раз все вы полны решимости непременно добиться своего.

— Именно так. Знаю, ты до мозга костей ненавидишь Янь Уши. Как же ты можешь не прийти понаблюдать за весельем на этой грандиозной встрече, пусть и не участвуя в ней лично?

Пока его губы с улыбкой молвили эти слова, рука, сжимавшая саблю, стремительно вскинулась

вверх, желая всадить лезвие прямо в Шэнь Цяо!

Новость не могла не потрясти его, а когда разум потрясён, кто угодно становится наиболее уязвимым. Эта атака непременно поразит цель!

В будущем этот человек станет серьёзной угрозой как для него самого, так и для Тузцуэ. Нельзя оставлять его в живых!

Ещё в момент признания поражения Кунье принял решение. Он вложил всю свою силу в этот удар.

Победа или смерть!

<http://bllate.org/book/14532/1287348>